

УДК 811.351.2

DOI: 10.31029/vestiyali28/2

ГОВОРЫ КУБАЧИНСКОГО ЯЗЫКА: ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ И ЭТНОКУЛЬТУРА ИХ НОСИТЕЛЕЙ

А. Дж. Магомедов,

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

Статья посвящена характеристике говоров кубачинского языка, этнокультурного развития их носителей в последнее тысячелетие. Речь о сулевкентском и аштынском говорах кубачинского языка, носители которых исторически проживали в расположенных рядом с Кубачи селах Сулевкент и Ашты (Анчибачи). В конце XIII века жители с. Ашты переселились на северо-запад от Кубачи, на пограничье Казикумухского ханства. А жители с. Сулевкент в 1944 году были насильно отселены на территорию Чечни, в 1957 году они вернулись в район современного Хасавюртовского района.

Ключевые слова: кубачинский язык, говор кубачинского языка, с. Кубачи, с. Сулевкент, с. Ашты, с. Дирбаг.

The article deals with the characteristics of the dialects (patois) of the Kubachi language, the ethnocultural development of the native speakers of them. We are talking about the Sulevkent and Ashty dialects of the Kubachi language, the native speakers of which historically lived in Sulevkent and Ashty villages located near Kubachi (Anchibachi). At the end of the XIII century residents of Ashty were detached to the north-west of Kubachi, on the border of Kazikumukh Khanate. And residents of Sulevkent in 1944 were forcibly settled out into the territory of Chechnya, and then in 1957 they returned to the area of modern Khasavyurt district.

Key words: the Kubachi language, dialects (patois) of the Kubachi language, village of Kubachi, village of Sulevkent, village of Ashty, village of Dirbag.

Проблема языка и динамика развития его говоров – один из интересных, но недостаточно изученных аспектов лингвистики. Как развиваются говоры языка, потерявшие связи с материнским говором, какие факторы влияют на динамику языковых процессов в таких случаях. Это темы малоизученные. Кубачинский язык – один из языков даргинской подгруппы дагестанских языков. Даргинская группа дагестанских языков разнообразна по числу языков, диалектов и говоров. Как считают отдельные исследователи, «даргинский язык – это довольно условное понятие для группы идиомов с неопределенным статусом в отношении дихотомии «язык/диалект» [19, с. 106].

Несмотря на формирование в XX веке даргинского литературного языка, это разнообразие сохраняется и сегодня. Не углубляясь в историю и существующую полемику по этой теме, укажем на мнение дагестанского языковеда Х. А. Юсупова, автора фундаментальных по охвату лексики и структуре даргинско-русского и русско-даргинского словарей, изданных в последние годы. По его словам, в даргинском языке около 70 говоров и подговоров, которые входят в 14 диалектов. [Консультация к.ф.н. Х. А. Юсупова].

При этом Х. А. Юсупов и ряд других исследователей не выделяют языки в даргинской группе дагестанских языков. Другой исследователь, Р. О. Муталов, работающий в Институте языкознания РАН в Москве, по традиции московской школы языковедов (М. Е. Алексеев и др.) выделяет в даргинской группе ряд языков. Он считает, что различия между отдельными даргинскими диалектами столь велики, что затруднено или полностью исключается свободное взаимопонимание их носителей, в связи с чем даргинский язык все чаще рассматривается исследователями как группа родственных языков (А. А. Магомедов, А. Е. Кибрик,

С. М. Хайдаков, М. Е. Алексеев). [Консультация д.ф.н. Р. О. Муталова]. Автор же «Атласа кавказских языков» Ю. Б. Коряков считает, что «существуют 17 близкородственных языков даргинской группы» [11, с. 76].

У даргинской общности такое дробление языка вызывает негативную реакцию, замешанную на эмоциях. Поскольку тема нашей статьи конкретная, мы в статье придерживаемся исторической традиции называть тот же кубачинский отдельным языком даргинской подгруппы дагестанских языков. Такой подход мы встречаем и у других исследователей [4, с. 458].

В кубачинском языке можно выделить собственно кубачинский (материнский для этого языка), сулевкентский (село Сулевкент (*Сулече*) и аштынский (села Ашты (*Iumle*) и Дирбаг) говоры. Говоры кубачинского языка на сегодня плохо изучены. О говорах кубачинского языка, впервые написал лингвист-кавказовед А. А. Магометов в своей книге «Кубачинский язык» (15). Он же дал и первую их характеристику. А изданные в последнее десятилетие материалы по кубачинскому языку, в том числе «Кубачинско-русский словарь» [13], касаются в основном кубачинского (материнского) говора этого языка.

Отдельные исследователи дагестанских языков (М.-С. Мусаев) к говорам кубачинского языка ошибочно отнесли в свое время и язык соседнего с. Амузги. К сожалению, из-за позиции научного руководителя М.-С. Мусаева в кандидатской диссертации М. С. Багамаевой сулевкентский говор не рассматривается как говор кубачинского языка [3].

Сегодня нет точных данных о численности носителей говоров кубачинского языка. Еще в начале 1960-х годов А. А. Магометов отмечал, что «число говорящих на кубачинском диалекте – около 5000 чел.» [15, с. 131]. В последние 60 лет их численность выросла. Здесь же отметим, что по оценке языковедов, кубачинский язык отпочковался от даргинского 2300 лет тому назад [2, с. 106]. Дело в том, что кубачинская речь имеет 65% совпадений с даргинскими диалектами в ста наиболее употребительных словах, в то время как кайтагский язык, обособившийся значительно позже (1700 лет назад) содержит 78% таких совпадений. Это сведения получены по методу лексикостатистической реконструкции Мориса Сводеша и опубликованы в популярных изданиях [См.: 18, с. 103]. К сожалению, подробные материалы этого подсчета нам не удалось найти.

Всего же на сегодня численность лиц, говорящих на кубачинском языке, по примерным данным может достигать 23–25 тысяч человек, имея в виду численность и носителей говоров – аштынцеv, дирбагцев и сулевкентцев. Кроме экспертных оценок, других путей подсчета численности всех кубачинцев нет, так как перепись 2001 года, при всех благих намерениях его исполнителей и консультантов, не достигла в этом своей цели. В ней нет сколько-нибудь точных сведений о числе говорящих на многих языках, в том числе на кубачинском.

Известно, что важным фактором сохранения языка (говора) в том или другом населенном пункте является этнокультура носителей говоров. По этнокультуре Кубачи много публикаций. Намного меньше таких работ по селам Сулевкент и Ашты. При этом такого рода публикаций даже больше, чем по языковым говорам этих сел. И еще. Исторически с. Сулевкент образовался как отселоk Кубачи, специализировавшийся на мельничном деле, а позже на гончарных промыслах. Жители с. Ашты специализировались на сельхозпроизводстве. О развитии здесь каких-либо ремесленных промыслов достоверных сведений нет. При этом с конца XIII века ослабли экономические связи Ашты с Кубачи. Однако, несмотря на это, говор села обновился за прошедшие 700 лет слабо. Отдельные расхождения аштынского и кубачинского объяснимы, так как за 700 лет (исторические предания говорят об отселении аштынцеv из соседнего с Кубачи поселения Анчибачи (*Гянчибачле*)) говоры накопили немало новаций или сохранили архаизмы. Об этом говорят и материалы нашего предварительного поиска [14, с. 567–568]. В лексике сулевкентского и аштынского говоров сохранилось больше архаизмов, чем в кубачинском говоре. Понятно, что глубокое изучение этих говоров еще впереди.

По этнокультуре с. Сулевкент популярную публикацию сделала Санкт-Петербургская исследовательница (с 2002 г. она живет в Хельсинки), литератор П. Копылева [10]. Есть также статьи ученых-этнографов [6; 9]. Известны исследования по этнокультуре аштынцев [7; 16]. В таких работах приводятся также названия и термины хозяйства, культуры этих сел. Эти говоры в последнее десятилетие привлекали внимание и языковедов. Интересна статья лингвиста О. И. Беляева [5], кандидатская диссертация М. С. Багамаевой [3].

Каждое поселение носителей кубачинского языка имело свою историческую судьбу. Так, особенность кубачинского этноса (речь только о носителях материнского говора – кубачинцах) заключалась в том, что еще со второй половины XIX века многие жители с. Кубачи в силу популярности их ювелирного дела стали выезжать на заработки и поселяться в городах Закавказья, Северного Кавказа, Средней Азии. Так происходило и во второй половине XX века. А в конце века в условиях развала СССР большая их часть вынуждена была вернуться в Дагестан. Вернувшиеся поселились в родном Кубачи, в городах Каспийск, Махачкала, Дербент, Хасавюрт. С улучшением экономической обстановки в стране в конце 1990-х годов кубачинцы вновь стали выезжать за пределы республики. Многие уехали в города центра России (как правило, в Москву). В итоге, сегодня собственно кубачинцев можно называть «городским» этносом, так как более 70–80 % его проживает в городах. Растет и число кубачинцев, фактически живущих на два населенных пункта (Кубачи и города).

С. Сулевкент до середины XX века (времени насильственного отселения его жителей в Чечню в 1944 году) располагалось в 3 км от Кубачи. Сулевкентцы в 1957 году вернулись из Чечни, и им по их желанию были выделены земли в равнинном Хасавюртовском районе, где было построено современное с. Сулевкент. Около 60 хозяйств сулевкентцев после отселения из Чечни вернулись в старое село, здесь были восстановлены многие мельницы. Но многие дома были разрушены. По этой причине и из-за трудных бытовых условий (не было электрического света, машинных дорог) они не смогли прижиться, и вскоре все постепенно отселились к своим землякам в Хасавюртовский район, в новообразованное с. Сулевкент. На сегодня в с. Сулевкент проживает примерно 2700 человек и примерно 300 человек живет за пределами села [12].

Жители с. Ашты также говорят на говоре кубачинского языка. Подговором аштынского является язык жителей с. Дирбаги, отселка с. Ашты. В с. Ашты в 2010 году по данным открытых источников (Википедия и др.) проживало около 400 человек. В 2002 году здесь проживало чуть больше – 500 человек. Многие аштынцы и дирбагцы в последние десятилетия переезжают в города Каспийск, Изберг, Махачкалу. Всего численность живущих за пределами этих сел сегодня может достигать 5000 человек.

Село же Дирбаг, расположенное рядом с с. Ашты, возникло примерно 150–200 лет назад как небольшой хутор животноводов и земледельцев. Установить точную дату его образования невозможно, так как непонятно, что считать началом возникновения: время, когда на территории нынешнего села стал жить первый животновод с семьей, или когда несколько хозяйств построили дома и стали жить постоянно, или же когда село получило свое нынешнее название. Раньше оно называлось по-другому – Будаила-махи (по имени первого животновода). История происхождения с. Дирбаг связана с названием Верхний Дирбаг. Ныне это развалины, а раньше здесь, по преданию старожиллов, было село. Называлось оно Дирбаг. «Верхний» добавили жители нынешнего села, так как развалины его расположены наверху, на вершине небольшого утеса. Об истории старого поселения известно только то, что в конце XIX – начале XX века жили здесь несколько животноводов из сел. Ашты. Несомненно, здесь в прошлом было целое поселение, а не только несколько семей животноводов [17].

Говорят дирбагцы на аштынском говоре кубачинского языка. Здесь же обратим внимание и на то, что в одной из публикаций (1954 г.) говор села «Дирбаги» ошибочно отнесен к муиринскому диалекту [1]. В с. Дирбаг сегодня, по оценке уроженца этих мест, к. и. н. М. Т. Гаджимурадова, проживает около 200 человек, но постоянно имеется около 100 хозяйств. Многие дирбагцы живут в городах, приезжая в родное село лишь летом.

Таким образом, на сегодня численность лиц, говорящих на кубачинском языке, составляет примерно 23–25 тысяч человек. Как указывалось выше, кроме экспертных оценок, других путей подсчета численности всех носителей кубачинского языка нет.

Остановимся также на ряде исследовательских оценок, связанных с вопросами изучения говоров кубачинского языка. Мы уже отмечали выше, что существуют разные точки зрения о числе говоров кубачинского языка. Отдельные исследователи пишут даже о 6 говорах языка [8]. Но в свое время А. А. Магомедов справедливо писал, что к кубачинскому языку относятся «речи аулов Ашты и Сулевкент, носящие черты говоров (оба аула считаются кубачинскими выселками). Расхождений в речи аула Ашты больше, чем в речи аула Сулевкент» [15]. Ярким отличием аштынского, как показали наши материалы, является, например, меньшее, чем в кубачинском, оглушение *й* в конце инфинитных форм.

Что касается амузгинского и ширинского говоров, якобы относимых к кубачинскому языку, то вопрос требует уточнения. Впервые амузгинский говор к «кубачинскому диалекту» отнес языковед С. Н. Абдуллаев [1]. Другой языковед Р. О. Муталов амузгинский и ширинский говоры отнес к пограничным языковым формам, так как в них, по его словам, есть черты, роднящие их как с собственно говором с. Кубачи, так и с сирхинским диалектом даргинского языка. [Консультация д.ф.н. Р. О. Муталова]. Однако наши предварительные материалы не позволяют согласиться с этими наблюдениями. Переводы десяти, составленных нами на кубачинском языке предложений, на амузгинскую, ширинскую речь подтверждают предположение, что они являются говорами не кубачинского, а сирхинского языка [14, с. 561–563].

Таким образом, мы можем, как в свое время писал А. А. Магомедов, говорить лишь о двух говорах кубачинского языка (если считать речь жителей с. Кубачи отдельным говором, то о трех говорах). А речь жителей с. Дирбаг, как мы отмечали выше, надо считать подговором аштынского. И на сегодня эти говоры сохраняют единую общность с кубачинским языком. В этнокультурном плане жителей с. Кубачи в литературе и в речи называют кубачинцами, а жителей других сел – сулевкентцами и аштынцами (дирбагцами).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаев С. Н.* Грамматика даргинского языка: фонетика, морфология. Махачкала, 1954. 216 с.
2. *Алексеев М. Е.* Кубачинский язык // Языки народов России: Красная книга: Энциклопедический словарь-справочник / РАН, Институт лингвистических исследований, Московский государственный лингвистический университет, Центр языков и культур Северной Евразии им. кн. Н. С. Трубецкого. М.: Академия, 2002.
3. *Багамаева М. С.* Сулевкентский говор даргинского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2017. Во введении к работе дана библиография публикаций по даргинскому (в том числе кубачинскому) языку.
4. *Балгуева Р. Т.* К вопросу о статусе кубачинского языка // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67).
5. *Беляев О. И.* Аспектуально-темпоральная система аштынского даргинского // Труды Института лингвистических исследований. 2012. № 2. С. 1–47.
6. *Гаджалова Ф. А.* Традиционный гончарный промысел Дагестана с. Сулевкент: Из истории народных художественных традиций второй половины XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 5(67). С. 60–62.
7. *Гаджимурадов М. Т.* Средневековый Зирихгеран: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2004.
8. Дахадаевский район: история и современность / отв. ред. Магомед-Расул. Махачкала, 2009. С. 102–103.
9. *Капустина Е. Л.* Серебро, глина, люди: судьба традиционных дагестанских ремесел (на примере Сулевкента и Кубачи // Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. СПб., 2015. С. 7–29.
10. *Копылева П.* История Сулевкента, URL: <https://pandia.ru/text/77/457/11911.php>. Дата обращения 1.05.2021

11. *Коряков Ю. Б.* Атлас кавказских языков. М.: Пилигрим, 2006. 76 с.
12. *Магомедов А. Дж.* Полевой материал 2021 г.
13. *Магомедов А. Дж., Саидов-Аккутта Н. И.* Кубачинско-русский словарь / отв. ред. Х. А. Юсупов. М.: Наука, 2017. 543 с.
14. *Магомедов А. Дж., Саидов-Аккутта Н. И.* Кубачи: язык, фольклор / отв. ред. Г. Г. Тикаев. Махачкала, 2010. 584 с.
15. *Магометов А. А.* Кубачинский язык / отв. ред. А. С. Чикобава. Тбилиси, 1963. 341 с.
16. *Омаров М. Г.* Ашты. История, обычаи, традиции. Махачкала: Юпитер, 1999. 112 с.
17. *Хасбулатов Х.* История Уркараха и населенных пунктов Дахадаевского района. 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://welcomedagestan.ru/dagestan/dahadaevskij/dirbag/?type=info> (дата обращения: 01.04.2021)
18. *Юсупов Х. А.* Лингвистическая карта Дахадаевского района // Дахадаевский район: история и современность / отв. ред. Магомед-Расул. Махачкала, 2009.
19. Языки народов России. Красная книга. М., 2002. 385 с.

Поступила в редакцию
12. 09.2021.

Магомедов Амирбек Джалилович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: amirbek.49@mail.ru

Magomedov Amirbek Dzhililovich, Doctor of History, chief researcher, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: amirbek.49@mail.ru